

— Ха-ха, — лицо Вэнь Хао снова вспыхнуло, и он поспешно прикрыл смущение коротким смешком. — Как такое возможно...

Однако Сун Шаоянь на этот раз не стал останавливаться, как делал это раньше, шутя. Вместо этого он ухватился за представившуюся возможность и следом спросил:

— А почему, собственно, невозможно? Если у меня и впрямь дурные намерения, неужели ты побоялся бы прийти?

— Кто сказал, что я боюсь? Завтра же перееду! — Вэнь Хао инстинктивно выпалил ответ, но, как только слова слетели с губ, сам испугался собственной смелости. Его охватил стыд за этот мимолетный порыв.

Что вообще означали его слова? Он опустил голову, терзаемый смесью неловкости и раскаяния.

Похоже, поведение Вэнь Хао было именно тем, на что рассчитывал Сун Шаоянь. Он усмехнулся с видом победителя:

— О, поистине, нет способа лучше, чем спровоцировать.

В этот момент лодочник зычно закричал:

— Лицзыба! Прибыли в Лицзыба! Есть выходящие?

Вэнь Хао поспешно поднял руку:

— Есть, я выхожу!

Он торопливо соскочил с лодки, словно за ним гнались свирепые враги. Он бежал так быстро, что не осмелился даже обернуться. Шестое чувство подсказывало: продолжать разговор с этим человеком крайне опасно.

А на палубе Сун Шаоянь смотрел на удаляющуюся в сумерках фигуру и, пожалуй, впервые за долгое время искренне улыбнулся.

Вернувшись в Лиюань, Вэнь Хао принялся собирать вещи. Колебания, терзавшие его душу, не заставили его отступить. В конце концов, почему бы не сделать это? Если это упростит ему работу — факта уже достаточно.

Ли Юньтун вошел в комнату, увидел сборы и поразился:

— Ты что задумал?

— Я переезжаю к Сун Шаояню, так будет ближе к Теюаню.

Юньтун встревожился:

— Ни в коем случае, тебе нельзя туда идти!

— Юньтун, я и так слишком долго тебя обременял. Пора бы тебе немного отдохнуть от меня.

Юньтун не удержался от насмешки:

— Вэнь Хао, если выражаться вежливо — ты невероятно учтив, а если прямо — ты невыносимо притворен.

— С чего такие выводы? Я просто хочу дольше поспать по утрам.

— По-моему, ты поймешь, что к чему, только когда он проглотит тебя с потрохами, — Юньтун перешел на сычуаньский говор.

— Не факт, — Вэнь Хао не удержался от того, чтобы подколоть друга в ответ. — Горшок, в котором варят лапшу, тоже из глины лепят.

Юньтун на мгновение опешил, не зная, что ответить. Вэнь Хао улыбнулся и примирительно добавил:

— Ну же, мы ведь хорошие братья, зачем спорить из-за постороннего человека?

Юньтун безнадежно махнул рукой:

— Иди, иди. Когда дождешься беды, как говорится, встретишь и реку Янцзы, и гроб — тогда и возвращайся.

— Юньтун, я помню, ты никогда не был пессимистом. Почему ты так остро воспринимаешь это дело?

— Просто я знаю, — Юньтун отвернулся. — Если бы у него не было на тебя недобрых намерений, стал бы он писать строки вроде: «Если нет крайней нужды, не желаю расставаться с тобой»? От одних этих слов мурашки по коже.

Вэнь Хао наконец понял:

— Так это ты перехватил письмо, которое Сун Шаоянь написал мне! — Он никак не ожидал, что его высокообразованный друг способен на такое вторжение в частную жизнь.

— Я действовал ради твоего же блага, — невозмутимо и без тени смущения ответил Юньтун. — Вы едва знакомы, с чего бы ему писать тебе послания и так заботиться о тебе?

Вэнь Хао разозлился:

— Я взрослый человек, у меня есть руки и ноги, мне не нужны няньки. Твою заботу я ценю, но обойдусь! — Сказав это, он вдруг понял, что подобный разговор уже был у него с кузиной, только роли поменялись. Вот уж поистине, возмездие настигает быстро.

Юньтун замолчал, его лицо выражало обиду. Наконец он произнес:

— Вэнь Хао, ты сам-то замечал, что ваши отношения с Сун Шаоянем стали уже слишком близкими?

Он высказался предельно мягко, но сердце Вэнь Хао словно пронзило — он вздрогнул. Он никогда никого не любил, поэтому не знал, какие именно перемены происходят в его душе. Но предчувствие опасности у него было давно.

— Да... разве они настолько близки? К тому же, разве друзья не дол... должны быть такими? — заикаясь, пытался оправдаться он, но лишь выдал себя.

Юньтун пристально смотрел на него, его взгляд то тускнел, то загорался. Спустя долгое время он вдруг загадочно улыбнулся и коснулся головы Вэнь Хао:

— Смотри-ка, ты вспотел.

— А... — Вэнь Хао от смущения не знал, что и сказать.

Юньтун теперь ясно понимал одну вещь: между ними давно зародились чувства, и предотвратить их, не говоря уже о том, чтобы «вылечить», было невозможно. Что ж, пусть всё идет своим чередом.

В конце концов, Вэнь Хао — его единственный настоящий друг. Уж лучше быть счастливым изгоем, чем несчастным «нормальным» человеком.

Поэтому он не стал продолжать разговор. Давить и загонять человека в угол — не в его стиле. К тому же, неповоротливый Вэнь Хао, возможно, даже еще не осознал происходящего. Зачем же помогать им прорвать эту бумажную перегородку раньше времени?

Решив доиграть роль до конца, он с улыбкой похлопал друга по плечу:

— Если не приживется там, возвращайся.

Вэнь Хао всегда питал любопытство к дому Сун Шаояня. Что это за место? Окутано ли оно полумраком фонарей за шелковыми занавесями? Или же там поросли мхом ступени, а трава тянется к самым окнам? Может, это дворец, где за каждым поворотом коридора — новая архитектурная диковинка?

Но, переступив порог, он обнаружил совсем не то, что себе представлял.

Во дворе сорняки выросли в несколько цуней, ветви деревьев переплелись, словно их годами никто не подрезал. В гуще сада высилось трехэтажное здание серого цвета, стены которого были обвиты засохшими побегами дикого винограда — всё выглядело невероятно обветшалым.

Вэнь Хао не сдержал улыбки: он столько всего нафантазировал, а на деле оказалось — запустение и пыль.

Слуги, впрочем, были весьма обходительны и радушно встретили его.

Войдя внутрь, он увидел совершенно другой мир. На стенах — свежие обои, мебель простая и функциональная, но приглядишься к рисунку дерева — сплошь красный сандал, изысканный и дорогой. Оказывается, дом долгие годы пустовал, пока Сун Шаоянь не решил его обновить.

Вэнь Хао привык к трудностям, поэтому к быту был неприхотлив. Ему было достаточно и жесткой кровати с простым ватным одеялом, но Сун Шаоянь, разумеется, не стал так скупиться. Он не только приготовил для него мягкую кровать, но и специально поставил холодильник, вентилятор, электроплитку, радиоприемник, проигрыватель и десятки пластинок.

— Ого, отличная коллекция, — с легкой завистью отметил Вэнь Хао. Некоторые из этих пластинок были редкими изданиями, которые днем с огнем не сыщешь.

Сун Шаоянь улыбнулся:

— Пластинки Баи Гуан, Ван Жэньмэй, Оуян Фэйин — это всё наследство моего старшего брата. А вот... — он вытащил запись Пекинской оперы «Мешок с единорогом» в исполнении Чэн Яньцю, — это уже мое личное сокровище.

Вэнь Хао рассмеялся. Он чуть не забыл, что этот человек обожает Пекинскую оперу.

Однако в Чунцине услышать ее было непросто: театров мало, да и не все разделяли это увлечение.

— Интересно, когда Труппа Ли приедет с новым репертуаром?

— Разве ты не знаешь? — Сун Шаоянь оказался осведомленнее его. — Они возвращаются из Гуйяна в следующем месяце. Говорят, в первый день будут петь «Сватовство в эпоху Весен и Осеней».

— Откуда ты всё знаешь?

— Я заранее купил абонемент.

Понятно.

— Ты снова пойдешь вместе с господином Су? — вспомнив прошлогодние события, с легким неприятным чувством спросил Вэнь Хао.

— Что ты, конечно нет! — Сун Шаоянь без колебаний отрезал: — У нас с ним были лишь товарно-денежные отношения. Сошлись, поиграли, надоело — разошлись. Обернись я назад — даже лиц друг друга, пожалуй, не вспомню.

От этих слов у Вэнь Хао на душе стало беспокойно:

— Это и есть твой взгляд на любовь?

— Эй, пожалуйста, не путай секс и любовь. Да, последние годы я жил, меняя партнеров как перчатки, но если я встречаю того, кого по-настоящему люблю, то становлюсь преданнее любого другого.

Вэнь Хао едва не спросил: «Ты уже встретил такого человека?», но с трудом сдержался.

— На самом деле, у меня есть такой человек, — внезапно признался Сун Шаоянь. — Просто он слишком простой и непонятливый, поэтому я пока не решаюсь признаться.

Вэнь Хао от такой неожиданной «бомбы» почувствовал, как кровь прилила к лицу, которое вмиг стало красным, как помидор.

— И... зачем ты мне это говоришь?

Сун Шаоянь скосил на него взгляд и решил милосердно сменить тему на более нейтральную:

— Как насчет того, чтобы прогуляться вместе в свободное время? Я еще толком не осмотрел ваш Чунцин с его семнадцатью городскими воротами.

Вэнь Хао поспешно закивал — сейчас любой разговор был лучше, чем этот:

— Отлично, ты обратился по адресу, я здесь знаю каждый закоулок...

С тех пор в свободные дни он водил Сун Шаояня по улицам и переулкам Юйчжоу. Зимнее небо над городом казалось непривычно тихим и спокойным.

Найдя благодарного слушателя, Вэнь Хао с удовольствием пересказывал байки, услышанные от

рассказчиков историй: про обезглавленные гробницы генералов древнего царства Ба у пруда Лотоса, про беломраморного слона у ворот Тайпинмэнь, что стоит напротив каменного льва у храма Тунъюань, — мол, в прошлой жизни они были несчастными влюбленными; про камень «Зов возвращения» на вершине горы Тушань, который, по легенде, когда-то был женой Великого Юя... Всё это были бесконечные сказки старых людей из чайных домов.

Устав ходить, они выбирали симпатичную закусочную или уличный лоток, чтобы передохнуть. Они оставили свои следы везде: от ресторанов «Гуаньшэньюань», «Ичжиши», «Хуэйсяньлоу» до маленьких лавочек в глубине переулков, где подавали лапшу «У», «Утку Ван» и желтый крахмальный кисель «Хуанляньфэнь».

Со временем Вэнь Хао заметил, что вкусы Сун Шаояня остались прежними, пекинскими. Вероятно, он сделал поедание мяса с соусом в пекинском стиле своего рода ритуалом тоски по дому.

Незаметно приблизился Новый год. Вэнь Хао съездил домой и застал слуг за суетливой подготовкой к празднику. Наблюдая за этим весельем, он невольно забеспокоился о Сун Шаояне, который остался совсем один.

Каша лаба, бог очага, храмовые ярмарки, уличные представления... Разве можно забыть то, что глубоко проросло в памяти?

Вэнь Хао искренне пригласил Сун Шаояня встретить праздник вместе с его семьей.

Сун Шаоянь был тронут приглашением, но на душе у него было тяжело. Он не очень хотел идти, понимая, что, хоть Вэнь Хао движет доброта, это лишь подчеркивает его собственное одиночество: такова печаль скитальца без крова. Он мог противостоять неприязни, но не жалости.

Однако он не смог отказаться от искушения. Вспоминая прошлые годы — пьянки, случайные знакомства, разгульную жизнь, наутро после которой оставалась лишь горечь... он почти забыл, что такое настоящий дом.

И вот, двадцать девятого числа двенадцатого месяца он приехал в поместье Лу на горе Голэшань.

Вэнь Хао встречал его у ворот. Сун Шаоянь был непривычно одет в длинный халат из темно-синего шелка и кремовый шерстяной шарф, в руках — гостинцы. Вэнь Хао тоже выбрал серый шелковый халат и черный шарф.

Стоило им встретиться взглядами, как оба застыли от удивления.

Можно ли это назвать близостью душ?

Вэнь Хао улыбнулся:

— Наш вид в точности как у героев романа Чжан Хэньшюя «Северные гуси улетают на юг».

Сун Шаоянь в тон ему вздохнул:

— Разве не «Слезы и смех»? Я подражал Фань Цзяшу.

Смеясь, они вошли в дом.

Когда слуги накрыли праздничный стол, Сун Шаоянь замер при виде блюд: мясо в кляре «гобаожоу», пирожные «айвово» и «люйдагунь».

— Скорее пробуй, аутентично? Тетушка Хэ уже лет десять не готовила северные блюда, не знаю, не разучилась ли, — радушно угощал Вэнь Хао. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы убедить домашнюю стряпуху.

Сун Шаоянь посмотрел на блюда — по виду они были настоящими, а попробовав кусочек, он не смог остановиться.

Это была не дворцовая кухня, всё просто, но найти такой вкус на юге было делом непростым. Хоть и говорят: «простая еда — сытый обед», но ведь человеку даны вкусовые рецепторы, чтобы ощутить все грани мира. Сун Шаоянь был глубоко тронут стараниями Вэнь Хао.

Он с почтением обратился к госпоже Лу:

— Тетушка, как неловко, что вы хлопчете ради меня, чужака.

На самом деле, эти слова предназначались Вэнь Хао. Госпожа Лу лишь улыбнулась, не мастер слова, она просто сказала:

— Раз вкусно, ешь побольше.

— Моя мама родом из Тяньцзиня, хоть и выросла в Сычуани, так что она тебе наполовину землячка, — подметил Вэнь Хао.

Его невестка посмотрела на Сун Шаояня, возбужденно толкнула Лю Чуна:

— Господин Су — такой статный человек, вот бы стал нашим родственником.

— Невестка! — воскликнул Лю Чун.

Палочки Сун Шаояня на мгновение зависли.

— Куда уж мне до вашей семьи, — он вежливо отказался и покосился на Вэнь Хао, вопрошая взглядом, что происходит.

Вэнь Хао усердно жевал рис, делая вид, что ничего не замечает.

— Видно, я сама себе нафантазировала, — невестка была умной женщиной и всё поняла без

слов. Она с сожалением вздохнула, но легко улыbnулась, не желая продолжать тему.

— Она еще мала, к чему спешить, — дядя посмотрел на Чунь-эр с каким-то особым смыслом.

Вэнь Хао недоуменно переводил взгляд с дяди на Чунь-эр, не понимая, что происходит. Но отец с дочерью лишь уткнулись в тарелки.

Вторая невестка добавила:

— Старшая невестка, лучше бы мы побеспокоились о личной жизни младшего брата. Помню, когда старшему было столько лет, у тебя уже второй ребенок на подходе был.

Вэнь Хао замер с палочками в руках.

Вот уж, пожалуй, «пожар на городских воротах — страдают рыбы в пруду».

— Ну... как говорится, пока не разбит враг, о доме и не думаешь, — он попытался отшутиться.

— Да и зачем говорить об этом в праздник? Главное — поесть.

Вторая невестка решила, что он просто стесняется, и больше не давила.

Племянники Вэнь Хао закончили ужин раньше взрослых и побежали во двор пускать петарды.

Хлопки, свист огней, детский смех — всё это наполнило вечерний воздух, добавив праздничного оживления.

Сун Шаоянь смотрел на прыгающих детей и, тронутый их невинностью, пробормотал:

— «Мимо затонувших судов проносятся тысячи кораблей, перед больным деревом — весна и тысячи молодых побегов...»

Вэнь Хао услышал и не знал, плакать или смеяться. Затонувшие суда? Больные деревья? Неужели они такие уж безнадежные?

Он в ответ процитировал Лу Синя:

«В душе нет сил от стрел божественных укрыться,

Вкруг — буря, тьма, и нет спасенья для родных полей.

Я шлю слова звездам, но тщетно: не хотят они открыться,

Я жертвую собой во имя древней крови сыновей!»

Сун Шаоянь бросил на него взгляд и замолчал. После ужина он без лишних слов потянул Вэнь Хао в укромное место:

— Ты так и не поговорил с кузиной?

— Э-э... — замялся Вэнь Хао. — Всё никак не находилось удобного случая...

Сун Шаоянь посмотрел на него с выражением «хватит мне врать»:

— Если бы действительно хотел, всегда нашел бы момент. «Нет случая» — это значит, не хочется.

— Но вы же почти не видите, со временем всё само собой...

— Не выйдет. Как говорится, если не отсечь вовремя — навлечешь беду. К тому же, не во мне дело. Ты что, не заметил? Чунь-эр давно ко мне равнодушна, ее сердце занято другим.

— Что? Кем?

— Доктором Ваном. Знаешь, как бывает: привыкаешь и влюбляешься.

Вэнь Хао схватился за голову:

— Боже, вкус Чунь-эр... просто нет слов. — Вот почему за столом царило такое напряжение.

— Эй, а что не так с доктором Ваном?

— Но ему же под сорок!

— Мужчина постарше лучше умеет ценить жену.

Вэнь Хао покачал головой:

— Ладно, если она сможет убедить дядю, я не буду возражать.

— Хватит думать о других, давай подумаем о нас.

Вэнь Хао испуганно опустил голову:

— О каких еще «нас»...

Сун Шаоянь сделал шаг вперед:

— Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

Вэнь Хао резко поднял голову:

— Что... что ты сказал?!

Сун Шаоянь спокойно продолжил:

— Не удивляйся так. Разве ты меня не любишь?

— Кто...

— Не торопись отрицать. Ты знаешь, твой взгляд каждый раз говорит: «Люблю, люблю, очень люблю»?

Он смотрел на превратившегося в каменную статую Вэнь Хао с хитроумной улыбкой.

О, он наслаждался этим видом остолбеневшего простака, и на душе стало удивительно легко.

Если он когда-нибудь признается, что это была любовь с первого взгляда, как он отреагирует?

Хоть он и жил среди тысячи цветов, за двадцать с лишним лет он не питал искренних чувств ни к кому — ни к женщинам, ни к мужчинам.

Он до сих пор помнил их первую встречу.

Холодное осеннее утро, густой серый туман, неопределенность будущего... Его сердце, среди этих развалин и тьмы, стало таким же разбитым. Он уже решил для себя, что эта страна безнадежна, что нужно научиться быть равнодушным, ничего не слышать и не видеть. Но, глядя на народные страдания, не мог оставаться безучастным.

И тут он увидел Вэнь Хао. Он стоял на палубе парохода, статный, чистый, давал деньги старушке.

А главное — его глаза. Как у взрослого мужчины в эту смутную эпоху могут быть такие ясные, прозрачные глаза?

В тот момент он вспомнил избитую фразу из романа одного английского писателя: «Ты озарил мою жизнь».

В тот миг Вэнь Хао казался источником света. Рядом с ним этот серый, туманный воздух словно начал проясняться.

<http://bllate.org/book/21143/2144170>